

VI. ДИСКУССИИ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 940.1

Ю.А. Сорокин

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ ПАВЛА I В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Рассмотрены основные тенденции в развитии современной российской историографии, проблемы, связанные с общими оценками политического режима императора Павла I, а также оценками некоторых его политических акций. Предпринята критика ряда принципиальных положений, высказанных по отношению к деяниям и личности Павла Петровича профессором Е.В. Анисимовым.

Ключевые слова: историография, Павел I, политический режим.

В последние два десятилетия в отечественной исторической науке наблюдается настоящий историографический бум в части изучения политического режима императора Павла I, особенностей созданной им политической системы, основных направлений его реформаторской деятельности, наконец, социально значимых качеств его личности. Число специальных работ по этим вопросам, изданных и переизданных в наши дни – монографий, брошюр, статей, – все время возрастает и почти не поддается подсчетам. Наличествует масса публикаций в системе Internet. В этом потоке литературы мы вправе выделить два направления. Одно, с известными оговорками, мы можем позиционировать как популярное. Как правило, среди авторов мы не находим профессиональных историков, на худой конец, исследователей, специализирующихся на изучении русской истории последней трети XVIII – начала XIX в. Проблематика подобных работ отражена в их названиях: брошюр, хлестких, крикливых. Примером могут служить книги П. Мурузи «Павел I. Бессмертное могущество и леденящий страх» (М., 2005) и А.Л. Александрова «Павел I и его сумасбродства: черты, свидетельства, случаи, выходки, анекдоты» (М., 2004). При этом первая из названных публикаций насчитывает 384 страницы, а вторая – 352. Право, брошюра Н.З. Соломко «Павел Первый» (М., 2005) объемом 48 страниц смотрится явным исключением из общего правила для всех работ данного направления.

Одновременно и, так сказать, параллельно профессиональные историки, специализирующиеся на изучении российской истории эпохи Екатерины II и Павла I, продолжают собственно научные традиции осмысления этого сложного и противоречивого периода русской истории. В частно-

сти, ими подготовлены и защищены ряд диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук. Проблематика этих сочинений может быть также весьма неожиданной и смотреться диковинной.

В рамках незначительной по объему статьи разобрать и оценить все эти многочисленные публикации не представляется возможным. Я намерен сосредоточиться на положениях и выводах авторитетного современного специалиста по истории XVIII в., доктора исторических наук, профессора Е.В. Анисимова. Данный выбор обусловлен, помимо его высокого статуса и серьезного научного авторитета, качеством его публикаций. Укажем еще на одно обстоятельство. Е.В. Анисимов выполняет сегодня очень значимую функцию. В ряде своих сочинений он выступает популяризатором от науки и делает это настолько ярко и талантливо, что его положения и выводы формируют и во многом определяют мнение читающей публики, совсем не обязательно связанной с профессиональным изучением русской истории. В конце концов, они определяют уровень обыденного сознания в этой части. У маститого петербургского автора есть и сугубо научные публикации о политическом режиме Павла I, но я намерен сосредоточиться на его последней крупной книге «Императорская Россия» (СПб., 2011), и на следующих основаниях. Работа носит популярный характер, ее текст – квинтэссенция подобного рода сочинений, она подводит своеобразный итог первому направлению, выделенному нами в современной историографии. Текст книги адресован непрофессиональному читателю и создает тот общественный фонд, который не может быть ни изменен, ни отменен, ни даже поставлен под сомнение в специальных, сугубо научных публикациях. Наконец,

крупный ученый с весомыми научными регалиями никуда не делся, когда Е.В. Анисимов готовил текст популярного издания. В данной публикации два выделенных нами направления фактически смыкаются.

Итак, безусловно отдавая должное качеству публикации, сосредоточимся на некоторых принципиальных для нас положениях данного издания, именно на тех, которые вызывают наши решительные возражения, вплоть до полного неприятия. По традиции Е.В. Анисимов сравнивает политические режимы Екатерины II и Павла I и, подобно многим и многим, решительно отдает приоритет Екатерине, почитая ее «крупнейшим реформатором новой русской истории» [1. С. 343]. Разумеется, мысль сама по себе не нова, даже украшена благородной патиной старины. Нам любопытны основания и аргументы ученого в пользу данного вывода. Они тоже традиционны и не новы, как и полагается в рамках жанра популярной литературы, но вот что любопытно. Е.В. Анисимов вновь сравнивает законопроекты Екатерины II с законодательством Павла I, т.е. пытается сопоставить совершенно разные аспекты их деятельности. Нам представляется вполне плодотворным сравнительное изучение, к примеру, «Наказа» матери и сына, их конкретных законодательных актов в отношении, скажем, личных свобод дворян. Но из сопоставления намерений, пусть и публично декларируемых, оформленных в виде законченного текста, пусть и компилятивного по своей природе, с конкретной юридической нормой, любые выводы будут некорректны, если употреблять их для характеристики политических режимов двух монархов. И еще: мы не можем принять излишнюю увлеченность нашего автора изучением именно проектов (над многими из них смеялись еще современники, например М.М. Щербатов) в ущерб изучению конкретной законодательной и, шире, нормативной базы данных политических режимов. С горечью приходится констатировать, что традиции, так ярко представленные в творчестве проф. М. Белявского, сегодня отходят на второй план. Для историка оказывается проще и целесообразнее опираться на законопроект, пусть и хорошо изученный в литературе, тем паче если есть возможность дополнить его текст собственными архивными находками, чем пытаться омыслить всю совокупность павловского и екатерининского законодательства из многих и многих томов Полного собрания законов Российской империи. Такое сознательное усечение источниковой базы даже в популярном издании сужает возможности исторического исследования, делает его вы-

воды совсем уже легковесными. Особенно удивительными смотрятся рассуждения Е.В. Анисимова, когда он заговаривает о правовой модели, выработанной Екатериной для решения крестьянского вопроса [1. С. 341–342]. По его мнению, глобальность правовой реформы Екатерины «осознана», но «не изучена» [1. С. 343]. Конечный вывод историка, неоднократно им повторяемый: «Екатерина ненавидит крепостничество» [1. С. 322, 341]. После таких сентенций даже и неприлично ставить вопрос о том, укрепилось или пошатнулось крепостничество в век Екатерины, имела ли место пугачевщина и т.д. Историк считал, что проекты Павла покрывались пылью, забывались, в отличие, надо думать, от грандиозных проектов Екатерины. К сожалению, Е.В. Анисимов не уточняет, о каких именно проектах Павла идет речь, но к этой мысли мы еще вернемся.

Представляется, что в книге Е.В. Анисимова как-то незаметно стерлись грани между понятиями «деятельность» и «поведение». Поведение Екатерины II, и великой княгини, и императрицы, вызывает у историка чувство, близкое, как нам показалось, к восхищению – я готов понять и принять его как данность, даже как истину. Но почему на этом основании должно и деятельность государыни оценивать в превосходных тонах, решительно не понимаю. Одно просто не вытекает из другого ни с позиций формально-логических, ни с позиций сугубо исторических. Достойное поведение не может свидетельствовать о достойной деятельности. Соответственно, поведение Павла и, добавим, его характер толкуются историком как скверные и чудесным образом также начинает оцениваться вся его деятельность. Извинить такую логику невозможно. Скверный характер Павла (что полностью, на наш взгляд, соответствует действительности) не может определять оценки, которые предлагает историк для его деятельности. В лучшем случае этот тезис может быть рассмотрен и включен в общий контекст исторического исследования, прежде всего, тогда, когда историк займется поисками причин и предпосылок формирования негативного образа Павла I у его современников, у последующих поколений историков, наконец. Между прочим, признавая, что скверным характером среди русских монархов XVIII в. обладал не только Павел, но, например, и Петр I, Е.В. Анисимов отзывается о деятельности Петра Алексеевича в совершенно иных тонах и выражениях.

Такой подход нередко играет с Е.В. Анисимовым злые шутки, когда он все-таки начинает говорить о деяниях Екатерины. Так, по его мнению,

весь пафос реформаторства Екатерины – укрепить самодержавие законом, в том числе и порядок престолонаследия. Действительно, государыня оставила черновые наброски проекта закона о престолонаследии в империи, но закон-то на этот счет дал в день своей коронации Павел [2. Т. XII; 3. Т. XXIV. № 17906]. Скороговоркой признавая дефицит бюджета при матери, историк тут же утверждает, что он ловко погашался «умелой финансовой политикой», как то: порчей монеты, увеличением налогов и пошлин, эмиссией бумажных денег, иностранными займами [1. С. 334]. Общий дефицит государственного бюджета (цифры в литературе никогда не оспаривались) превысил 200 млн руб. при доходах в 73 млн руб. в год. Что же здесь «ловкого», спросим мы, если вести речь о государственной политике, т.е. деятельности. Но зато, когда государыня эффектно покупала библиотеку Дидро, подкармливала французских принцев или отказывалась от контрибуции с Турцией за мир, это и в самом деле становилось предметом всеобщего обсуждения и в России, и в Европе. Ее поступки находили царственными, блистательными. О подлости таких оценок язвительно писал молодой Пушкин, готовый оправдать Вольтера, но не современных ему отечественных авторов. Тем удивительнее реанимация восторгов в адрес поведения Екатерины у современного исследователя.

Отношения между императрицей и наследником характеризуются Е.В. Анисимовым в полном соответствии с могучей историографической традицией, т.е. как «холодные, отчужденные и недоверчивые» [1. С. 402]. Надо бы добавить: со стороны матери. Поводов для такого отношения Павел как наследник, по крайней мере в части своего поведения, не подавал. Холодность Екатерины понятна и давно объяснена в литературе: политическое соперничество, осложнявшееся тем, что все мыслимые права у Павла. Дискредитировать своего политического соперника надлежало любой ценой. Именно в этом контексте Е.В. Анисимов толкует проблему завещания Екатерины II [1. С. 398–399]. На фоне трагической судьбы еще одного наследника еще одного великого государя – Алексея Петровича – судьба Павла смотрится чуть ли не благословенной. Между тем коллизии с завещанием (т.е. вопросу о легитимности воцарения Павла) можно предложить и иное объяснение. Цесаревич самим фактом своего существования, земного бытия должен был угрожать режиму Екатерины. Но эта угроза осталась потенциальной. В конце концов это великолепно осознала сама государыня. Слухи о ее завещании оправдывали все

ее предыдущие деяния, но есть же и реалии, которые необходимо принимать в расчет. С 1762 г. Павел законный наследник, ему присягнули как наследнику, 34 года во всех церквях молились о его здоровье. На фоне гатчинского затворничества эти реалии могли заставить Екатерину маневрировать. Е.В. Анисимов оставляет открытым вопрос о том, почему екатерининские орлы (Екатерина окружена «героями и талантами», по мнению историка [1. С. 327]) не смогли воспользоваться завещанием, чтобы не допустить Павла к престолу, но им хватило дерзости совершить цареубийство в марте 1801 г. Гипотетическая ситуация, что было бы, если бы завещание Екатерины не уничтожили, а обнародовали, на наш взгляд, иллюстрирует мысль о том, что из неверной посылки можно делать любое количество неверных выводов. Факт существования завещания Екатерины в пользу внука все еще принят на веру, это политическая спекуляция, но не твердо установленный факт. Текст завещания, во всяком случае исторической науке, неизвестен. Априори мы готовы высказать следующее соображение. Признавая несомненные таланты Екатерины, ее непревзойденное умение плести интриги и знание человеческой природы, нельзя исключать возможность, что завещание было подготовлено и даже подписано, но только лишь для того, чтобы его уничтожили.

Главная слабость русского самодержавия в целом и политического режима Екатерины в частности, доказывает Е.В. Анисимов, состоит в его «страшной зависимости» от случайностей, «к числу которых относились личные взгляды и пристрастия наследника» [1. С. 345]. Историк вновь и вновь возвращается к мысли о том, что императрица «не любила сына, считала его непригодным к управлению, держала его далеко от дел» [1. С. 398–399]. Объяснять эту совокупность фактов только политическим соперничеством матери и сына кажется нам явно недостаточным, во всяком случае с началом гатчинского периода в жизни Павла, когда все его иллюзии об участии в управлении империей канули в Лету. Е.В. Анисимов очень точно подметил, что Екатерину не устраивали именно личные взгляды наследника на созданный ею политический режим, его проекты будущих преобразований, которые, и здесь явное противоречие в построениях уважаемого историка, «пылились и забывались». Если это действительно так, откуда тогда проистекает «разительное отличие преобразований» Павла I от екатерининских, наличие которых Е.В. Анисимов безусловно признает [1. С. 405]. Ведь свои преобразования Павел осмыслил и оформил письменно в виде го-

тового текста в бытность наследником. Эта серьезная проблема – отличия в преобразованиях матери и сына – на наш взгляд, распадается на две составляющие. Противопоставляя политические режимы Екатерины II и Павла I, историки, подобно Е.В. Анисимову, концентрируются на их различиях. Их логика понятна, соответствует духу и природе исторического познания, но явно недостаточна. Гипертрофируя различия, исследователи вольно или невольно опускают то общее, что было между ними. Стоит только поставить вопрос в этой плоскости, чтобы убедиться, что общего между двумя политическими режимами много больше, чем различий. Мы не будем сейчас говорить о форме государственного устройства, политической системе, русском самодержавии, российском варианте абсолютизма, социокультурных и религиозных традициях и т.п., как не будем приводить данные, характеризующие состояние общества, государства, экономики, идеологии и проч. Сосредоточимся, подобно Е.В. Анисимову, на государственном управлении.

В литературе вполне признан тот факт, что Екатерина не только вполне усвоила, но и реализовала в своей деятельности принцип европейского просвещения, согласно которому государь обязан принципиально не доверять общественным структурам, государственным органам, политическим объединениям и проч., ибо они руководствуются частными интересами, что препятствует достижению общего блага. Но, поскольку абсолютная власть монарха есть юридическая фикция и на практике не может быть реализована как таковая, государь вынужден иметь дело с личностью, каковой и делегирует властные полномочия. Екатерина и создала политический режим, в высшей степени проникнутый личностным началом. Личность с экстраординарными властными полномочиями, подминающая государственные структуры, – вот символ екатерининского царствования. Когда в литературе они называются фаворитами, временщиками, куртизанами, то и оценка им дается преимущественно негативная. Когда же их позиционируют как «екатерининских орлов», как «героев и талантов» (так и поступает Е.В. Анисимов), их деяния оценивают весьма высоко. Отвлекаясь от эмоциональных оценок, признаем, что правительственная система, основанная на личностном начале, только тогда и может работать эффективно, когда: 1) личности соответствуют предъявляемым им требованиям – отсюда и желание императрицы образовать новую породу людей посредством воспитания и просвещения, 2) когда сама императрица трудится неустанно,

контролируя всю властную пирамиду. Но Екатерина старела. Созданная ею система управления выходила из-под контроля государя. И именно с этим не мог согласиться наследник. «Государю смотреть!» – квинтэссенция его политических проектов гатчинского периода. Чем более дряхла Екатерина, тем более неэффективен был государственный механизм, основанный на личностном начале, при всем его внешнем блеске. Управлять империей по-екатеринински становилось невозможным. «С Екатериною прошла екатерининская слава», – замечал А.С. Пушкин. Отсюда и проистекают, на наш взгляд, те разительные отличия преобразований Павла от екатерининских, о которых и толкует Е.В. Анисимов. В построениях маститого автора нам как раз и не хватило признания того факта, что екатерининский политический режим зашел в тупик, выходить из которого предстояло уже Павлу. Эти наши построения подтверждает александровское правительственное начало: декларировав свое стремление царствовать, как бабушка, он очень скоро начал управлять «по-гатчински», и именно так империя управлялась более полувека.

При этом мы вполне солидарны с мнением, что закон в империи на протяжении XVIII в. не доминировал никогда, имел место «разгул страстей» [1. С. 406]. Вот только при Павле имел место разгул страстей самого Павла, при Екатерине – кого угодно; гнев фаворита более грозен, чем гнев государыни. И еще: умная Екатерина, никогда не декларируя это публично, ставила себя выше закона, но блюла внешние приличия в тех случаях, когда их можно было соблюсти. Павел выстраивал свои отношения с законом сложнее: в отправлении милости он не чувствовал себя скованным нормами закона, в части наказания свои распоряжения он почитал законами, например приказы. Приличия и даже мнения его не интересовали вовсе.

Неприятие екатерининского правительственного начала, основанного на личностном факторе, присущее Павлу, трактуется Е.В. Анисимовым как его ненависть к либеральным порядкам Екатерины в целом [1. С. 407]. Остановимся на этом утверждении историка подробнее. Одно из проявлений модернизации прошлого, к которому в науке всегда относились негативно, реализуется в ситуации, когда понятны и термины, имеющие устойчивое содержание применительно к одной эпохе, начинают механически использоваться для характеристики другой. В самом деле, какие могут быть основания у историка для того, чтобы рассуждать о «либеральных» порядках при Екатерине? О чем вообще идет речь? Если о так называемых личных

свободах дворянства, то, во-первых, ничего нового в этой части императрица не дала, и ее «Жалованная грамота» 1785 г. лишь суммировала и гарантировала права, привилегии и вольности российского благородного сословия, существовавшие до ее воцарения. Во-вторых, они никуда не делись и при Павле, разве что были уточнены и приноровлены к действительности. Формальное нарушение буквы «Жалованной грамоты» при Павле, конечно же, имело место. Эти сюжеты были мастерски изучены и прокомментированы в 1916 г. М.В. Ключковым [4]. Последний склонялся к мысли о развитии норм «Жалованной грамоты» (в этом и состоит их нарушение), а не об их отмене или принципиальных изменениях. Почему тогда Екатерина претворяет в жизнь «либеральные» начала, а Павел с ними борется, как полагает Е.В. Анисимов. На наш взгляд, Екатерина и Павел не могут трактоваться ни как либералы, ни как консерваторы, если употреблять эти термины строго. Сами понятия, скажем еще раз, из другой исторической эпохи. И еще: императрица смогла реализовывать в России вполне консервативные начала (мысль не нова), например, в части нового административно-территориального деления империи на губернии и их управления в 1775 г. Павла совершенно не интересует приватная жизнь дворянина, если он не находится на его службе и не живет в столице. Павел регламентирует службу, но не частную жизнь. Где же здесь отказ от либеральных начал в том смысле, который вкладывает в это понятие Е.В. Анисимов.

Ненависть к екатерининским либеральным порядкам под пером Е.В. Анисимова у Павла проявляется в следующем: он хотел ужесточения дисциплины, строгой регламентации; он хотел порядка, желал заставить работать екатерининские законодательные нормы, которые декларировались, но не выполнялись на практике [1. С. 407]. Павлу, с точки зрения Е.В. Анисимова, ненавистна сама сословная свобода дворян, а равно и «екатерининская схема развития гражданского сознательного общества через сословные привилегии, свободы и права» [1. С. 408]. Е.В. Анисимов даже полагает, что Павел ликвидировал органы дворянского самоуправления, восстановил телесные наказания, его стремление покончить с распушенностью шла путем ущемления прав дворянства. Даже борьба Павла с трехлетними сержантами и пожизненными отпусками кажется Е.В. Анисимову наступлением Павла на сословные привилегии. В итоге, по мнению историка, права и привилегии, данные Екатериной, показались современникам не вечными, а «пустым звуком», «листами бумаги» [1.

С. 410]. В этих построениях много справедливого, хотя после работ М.В. Ключкова, скажем еще раз, рассуждения о ликвидации дворянского самоуправления смотрятся нелепо. Павел для наведения порядка в самом высоком смысле этого понятия не нашел иных путей, кроме ужесточения дисциплины на службе и мелочной регламентации в государственных делах. Но это ведь не единственный путь, по которому он шел. Простой перечень новаций Павла в области государственного строительства занимает три десятка страниц убогистого текста. В отличие от матери, Павел вернулся к государственному началу, презрев личностный. Кредо Павла – преодолеть правовой нигилизм, заставить уважать закон. Акты Павла действительно не столько создают новое, сколько заставляют уважать старое, необязательно екатерининское, но чаще всего екатерининское. И тут-то современники, а вслед за ними и историки, в том числе и Е.В. Анисимов, это старое, екатерининское, отказываются узнавать в деятельности Павла. Тот факт, что Павел регламентировал, иначе оформил дворянскую службу, не может быть основанием для вывода о том, что ему ненавистна сословная свобода. Напротив, Павел Петрович убежденный сторонник сословного деления общества, с правами и обязанностями, жестко закрепленными за каждым из них. При этом всегда надлежит помнить (Е.В. Анисимов этот аспект как-то опускает), что Павел регламентирует именно службу, военную, статскую, даже придворную, но его вмешательство в частную жизнь, скажем об этом еще раз, хоть и имеют место, но никто не доказал, что масштабы их больше, чем при Екатерине. Существует, наконец, дистанция огромного размера между петербургским дворянством и сословием в целом. Ее невозможно не учитывать в исследовательской практике. «Ревю» Павла по России, а он до Казани доехал, вовсе не дает оснований исследователям для тех выводов, которые поддержал Е.В. Анисимов в части нарушений дворянских прав. Да и сама эта регламентация началась, прежде всего, с правового сознания дворянина, но не реального положения дел.

Известные гонения на вольности и свободы при Павле были во многом спровоцированы революционными событиями во Франции. Начала их Екатерина, Павел лишь продолжил; но победы революционной Франции предопределили их большую суровость. Вместе с тем Павел Петрович боролся именно с революцией, но не с Францией. Его мальтийская эпопея вполне подтверждает подобный вывод. С точки зрения Е.В. Анисимова, грессмейстерство Павла незаконно, не получило

одобрения римского папы, но зато отвечало юношеским идеалом Павла Петровича о рыцарском поведении. «Павел I, со свойственным ему жаром и интересом к игре в рыцари, так увлекся судьбой Мальты и Ордена, что ... неожиданно для всех принял титул его главы, хотя ни римский папа, ни европейские державы не поддержали его претензий». Павел был в плену «фантастической идеи» удушения французской революции путем объединения дворян всей Европы в Мальтийский орден под его водительством [1. С. 414–415]. Е.В. Анисимов отказывает Павлу именно в практическом, утилитарном начале, считая подобную акцию государя сугубой утопией. Но огромное количество публикаций на этот счет, появившихся в последнее десятилетие, должно убедить в обратном. «Политическая любовь» Павла I к мальтийцам – факт, как нам представляется, твердо установленный. Если опираться на свидетельства аббата Жоржеля, сам механизм Мальтийского ордена, создаваемый в Петербурге, был не шутейным, не пустяшным, создавался с серьезными политическими целями, главнейшая из которых не придуманная современниками и подхваченная затем историками мысль о мифическом стремлении объединить европейское дворянство на основе рыцарской идеологии, а вполне прагматичная цель – принудить германские государства следовать в кильватере русской внешней политики по отношению к французской революции. В значительной степени цель была достигнута. Назревающий конфликт с Англией, сближение с Наполеоном, которые Е.В. Анисимов толкует как «непредсказуемые решения» и повороты в политике, но которые тем не менее полностью соответствуют интересам Российской империи, стали возможны именно потому, что Павел I во главу угла ставил не юношескую идеологию, а вполне осознанные и достижимые интересы империи.

Е.В. Анисимов не смог обойти вниманием и масонство Павла, в котором его «не без оснований» подозревала Екатерина. Историк констатирует факт масонства Павла Петровича, но воздерживается от каких бы то ни было обобщений на этот счет. Как предполагаемое масонство повлияло на деятельность государя, историк умалчивает; но он не может не понимать, что данная характеристика в глазах современного читателя будет воспринята как негативная, и дополняет этим штрихом и без того незавидный портрет императора.

Наконец, сам заговор и цареубийство 11–12 марта 1801 г. выводится Е.В. Анисимовым из социально значимых качеств его личности. По мнению современного автора, Павел утратил чув-

ство реальности, бросался из одной крайности в другую, стал маниакально подозрительным, удалил от себя истинно преданных ему людей. Заговорщики не приняли политического стиля императора, его грубые приемы, непредсказуемые решения, т.е. именно поведение Павла Петровича. Тратовка заговора как акта, спровоцированного незавидными личными качествами и поведением государя, предложенная Е.В. Анисимовым, не нова, как не ново и объяснение сущности и направленности заговора особенностями павловской внутренней и внешней политики. Право Е.В. Анисимова согласиться с такой трактовкой кровавых событий марта 1801 г. не может быть поставлено под сомнение. Наши возражения вызывают два следующих обстоятельства.

Напрасно Евгений Викторович игнорирует хорошо аргументированное в литературе мнение, с максимальной категоричностью высказанное еще Ф.Ф. Вигелем: «Англия без угроз губит Павла». Предотвратить действительно угрожающее Англии русско-французское сближение можно было, лишь физически устранив Павла, во-первых; и имея уверенность в проанглийских симпатиях цесаревича Александра Павловича, во-вторых. Заговор и цареубийство – акт, осуществленный на английские деньги и в английских интересах. К сожалению, своего мнения на этот счет Е.В. Анисимов никак не выразил – и это не случайность: английский след в заговоре разрушает все традиционные представления о подготовке к цареубийству, делает невозможным прежнее отношение к его политическому режиму в целом.

Просто забавными на этом фоне смотрятся сентенции историка о том, знал ли Александр о заговоре (по мнению исследователя, это «остается неясным» [1. С. 416]), или о том, что Александр явно не хотел смерти отца, точнее, старался не думать о его судьбе [1. С. 421]. Совершенно не могу представить источник, который позволил бы историку ответить на вопрос, о чем думал наследник. Спекуляции на этот счет не в состоянии прояснить дело. Гораздо важнее другое: заговорщикам важно именно цареубийство, что прекрасно подтверждается всем ходом событий в ночь на 11–12 марта. Не мог этого не понимать и Александр, преследовавший собственный весьма прозаический интерес. Его скорая и суровая расправа с заговорщиками лишь свидетельствует, что он созрел не только для того, чтобы царствовать, но и для того, чтобы править. Английские интересы и интересы цесаревича совпали, и это стоило Павлу не только короны, но и жизни. Хорошо отрежессированный «праздник похорон» Павла Петровича,

ярко описанный Е.В. Анисимовым, завершает рассказ о павловской эпохе.

К трехсотлетию юбилею дома Романовых вышел ряд роскошных изданий. На фоне старательно облагороженной истории династии царствование Павла описывалось по пословице «в семье не без урода». Построения Е.В. Анисимова до известных пределов возвращают современного читателя к традиции начала XX в. В аннотации к изданию труда Е.В. Анисимова заявлено: «Книга содержит полную и всестороннюю информацию по истории императорской России». Представляется, что, по крайней мере, в части павловского

царствования в аннотации имеет место быть явное рекламное преувеличение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимов Е.В.* Императорская Россия. СПб., 2011.
2. *Отрывок* собственноручного черновика проекта манифеста Екатерины II о престолонаследии // Русская старина. 1875.
3. *Полное* Собрание Законов Российской империи (ПСЗ РИ)-1.
4. *Клочков М.В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.